

Впрочем, за последние дни забота о Му Цзышань заметно смягчила сердце Хэ Янься. Она и сама не понимала, откуда в ней взялось столько терпения к какому-то человеку — в прежние времена она сочла бы это невозможным даже в мыслях. Если бы она просто хотела поиздеваться над той, то нынешнего ее состояния, когда она балансирует на грани жизни и смерти, было бы уже вполне достаточно. На самом деле ненавидеть совершенно постороннего человека настолько сильно, чтобы желать ему худшего, чем смерть, было не в ее правилах. И все же Хэ Янься постоянно казалось, что этого мало, что остался какой-то незакрытый долг, хотя она никак не могла взять в толк, о чем именно речь.

Выписанные лекарем рецепты состояли сплошь из горячих по своей природе снадобий, казавшихся самыми обычными аптечными сборами. Однако Матушка Ма говорила, что раз лекарственные свойства этих трав должны согреть тело и помочь больной избавиться от затаившегося внутри ветреного яда, то особой разницы в ингредиентах нет. Самым важным было то, что Хэ Янься каждый день протирала ее тело крепким алкоголем, вытягивая яд из крови. Теперь, при должном уходе, Му Цзышань должна была пойти на поправку в самое ближайшее время.

Поэтому Хэ Янься терпеливо ждала, пока та очнется. Му Цзышань целыми днями пребывала забытой, и Хэ Янься собственными руками кормила ее лечебными отварами и лекарствами; когда же та не могла проглотить ни капли, она даже переливала лекарство изо рта в рот. Благодаря лучшим целительным мазям Дворца Цюньин и тщательной заботе Красной госпожи дворца раны Му Цзышань затягивались довольно быстро. Наблюдая за тем, как ее раны постепенно заживают, оставляя лишь едва заметные шрамы, а на лице мало-помалу появляется здоровый румянец, Хэ Янься все же замечала, что Му Цзышань упорно не желает открывать глаза. То ли ее сознание было затуманено из-за тяжелейших травм, то ли не угасло еще накопленное против нее, Хэ Янься, жгучее презрение.

Сама Хэ Янься неизменно склонялась ко второму варианту. Ей казалось, что Му Цзышань не из тех, кого способна свалить простая болезнь, поэтому со временем она стала то и дело заводить с ней разговоры. Та не отвечала ей ни слова, но Хэ Янься ничуть не возражала, продолжая болтать с ней, словно сама с собой: порой отпуская колкости, порой угрожая, а порой просто беседуя о всяких пустяках, будто о каких-то обыденных домашних делах.

Иногда она говорила, что Му Цзышань — самый упрямый человек из всех, кого ей доводилось встречать в жизни, ведь та держалась до последнего и так и не склонила перед ней голову, став первой в своем роде, и это тупое упорство даже вызывало у нее невольное восхищение.

Иногда она говорила, что после всех перенесенных мучений та в конце концов всё равно оказалась лишь пешкой в руках тех лицемерных праведников, что играли ею как хотели, и спрашивала, какой во всем этом был смысл, раз уж ее мозги работали настолько туго, что позволили себя использовать. Иногда она говорила, что та вполне могла убежать в одиночку, так зачем же было тащить с собой бестолковую младшую сестрицу, ставшую для неё лишь обузой? Даже если бы их поймали, следовало спасаться самой — ввязываться в это ради девчонки, которая ни особой красотой не отличалась, ни боевыми навыками, было просто невероятно глупо.

Иногда она пугала её, заявляя: если ты не очнешься до сих пор, я брошу тебя в Озеро Бишань

позади Дворца Цюньин на съедение тем плотоядным рыбам. Стоит тебе оказаться на дне, как не пройдет и мгновения, как от тебя останется лишь один скелет — вот и проверим, что крепче: твои кости или зубы тех рыб.

Иногда она даже безо всякой видимой причины принималась рассказывать ей о прошлом: вспоминала, как в детстве видела в Яньчжоу рассвет, когда бескрайние земли заливало ослепительно-красным светом. И даже спустя столько лет, стоило ей заговорить о Яньчжоу, в памяти тотчас вставали те залитые заревом облака.

Вот только Му Цзышань не открывала глаз ни единого раза, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то ответить Хэ Янься.

Позже Хэ Янься сменила тактику и целыми днями подтрунивала над Му Цзышань, заявляя, что если приглядеться, та на самом деле настоящая красавица, просто никогда толком не ухаживала за собой.

Затем она принесла целый ворох румян и пудры, щедро намазывая их на лицо Му Цзышань, а также велела принести множество роскошных и затейливых нарядов, наряжая её во всё это по очереди. Хэ Янься прекрасно чувствовала, как у Му Цзышань каменеют черты лица, но та упрямо и наотрез отказывалась хоть как-то реагировать. Хэ Янься и не возражала, воспринимая всё как забавную игру. Ей доставляло искреннее удовольствие смотреть, как Му Цзышань, отчаянно желая убить её, до предела напрягает тело и позволяет помыкать собой.

Поиграв так с Му Цзышань некоторое время, словно с детской тряпичной куклой, Хэ Янься, кажется, заскучала и придумала новое развлечение.

Целыми днями она брала Му Цзышань за руку и гладила, дразнила кончиком языка её мочку уха или вовсе срывала с неё одежды, лаская всё тело. И хотя в постели Му Цзышань по-прежнему оставалась бревном, Хэ Янься находила это забавным. Впрочем, на сей раз Му Цзышань всё же проявила хоть какую-то реакцию.

Будто выражая протест Хэ Янься, позже она наотрез отказалась принимать любую пищу. Даже когда Хэ Янься сама проглатывала еду и пыталась накормить её изо рта в рот, Му Цзышань упорно выплёвывала всё до последнего кусочка.

— Неужели ты и впрямь считаешь, что благородного мужа можно убить, но нельзя унижить?

— Неужели мои прикосновения вызывают у тебя такое отвращение?

Хэ Янься смотрела на лежащую на кровати Му Цзышань, и в её сердце снова вспыхивало беспричинное раздражение. Вся та терпеливость, что она выказывала все эти дни, постепенно таяла.

Впервые в жизни проявив столько заботы к кому бы то оказалось, она вновь столкнулась лишь с пренебрежением. От этого в душе Хэ Янься бурлила ярость, для которой не находилось выхода. Ты и впрямь возомнила себя невесть кем? Думаешь, на тебя совсем не найдется управы? Хэ Янься подхватила Му Цзышань за подбородок. Она прекрасно знала, что та не откроет глаза и не посмотрит на нее, но всё равно долго и свирепо сверлила ее взглядом.

Хэ Янься понимала, что та давно очнулась, просто упорно отказывается смотреть ей в глаза и разговаривать. Ее собственное нарастающее бессилие постепенно переходило в раздражение: неужели у Хэ Янься нет и тысячи способов усмирить несговорчивую девчонку, неужели какая-то там Му Цзышань способна загнать ее в тупик?

Хэ Янься тихонько усмехнулась — в ее голове уже созрел план.

Му Цзышань и впрямь, как и предполагала Хэ Янься, лишь притворялась, а на самом деле пришла в себя давным-давно.

Слушая болтовню Хэ Янься, она пропускала ее мимо ушей, словно постороннюю болтовню, и, что бы та ни говорила, не обращала никакого внимания. Му Цзышань надеялась, что та поболтает еще пару дней да и сочтет это скучным, а больше не станет докучать ей. Кто бы мог подумать, что через несколько дней та сменит тактику: теперь она ежедневно разрисовывала ей лицо, и Му Цзышань понятия не имела, во что превратилось ее собственное обличье. И всё же она держалась из последних сил и хранила молчание, считая свою мучительницу невероятно праздною — надо же тратить столько времени на нее ради такой бессмысленной возни.

Однако она никак не ожидала, что спустя еще несколько дней та перейдет к активным действиям и начнет распускать руки.

Скользящее, гладкое ощущение чужих пальцев: подушечки с тонкими мозолями от меча, теплое и нежное прикосновение вызывало на коже легкий, щекотный зуд. Затем влажное тепло у мочки уха — мягкое касание чужого кончика языка кругами обводило основание уха, после чего опускалось ниже, целуя шею и ключицы. Словно издеваясь, Хэ Янься нарочно дразнила самые чувствительные места Му Цзышань. По телу Му Цзышань разливалась невыносимая истома, но ей приходилось оставаться каменной и сохранять позу человека без чувств.

Та женщина, должно быть, тоже догадывалась, что она не всамделишной коме, и именно поэтому пускала в ход любые уловки, чтобы поиздеваться над ней. Му Цзышань и сама не понимала, на что она упорствует, просто из чистого упрямства не желая потакать чужим желаниям.

Ты и впрямь как чурбан, даже никакой реакции не дождешься, — с наигранным негодованием жаловалась та, доводя Му Цзышань до крайнего замешательства. Ей бы самой задуматься, почему это пленница должна как-то реагировать на ее выходки.

Но руки и ноги мучительницы становились всё вольнее. Му Цзышань почувствовала вокруг прохладу: эта женщина бесстыдно сорвала с нее одежду, и теперь она лежала под ней совершенно голая. От одного воспоминания об этой унижительной позе Му Цзышань становилось тошно, но из-за затаившегося в глубине души желания переупрямить соперницу ей оставалось лишь продолжать притворяться мертвой.

Ты хочешь, чтобы я заговорила с тобой? Я не пророню ни звука. Ты хочешь пронять меня такими фокусами? Я нарочно не разозлюсь и не попадусь в твою ловушку. Ты хочешь, чтобы я оставалась жива и терпела твои издевательства? Что ж, я заставлю тебя уяснить: распоряжаться моей жизнью и смертью вольна только я сама.

Поначалу казалось, что отказ от еды и вправду всерьез разозлил Хэ Янься, но ее слова звучали лишь как пустые угрозы, и Му Цзышань собиралась, как и прежде, пропустить их мимо ушей.

И ладно бы так. Хотя было неизвестно, откуда у этой женщины берется столько терпения играть с ней в столь скучные игры, по крайней мере, у нее не останется сил и времени третировать Цзинь Юэ, а сама она худо-бедно продержится, пока младший брат не придумает способ ее спасти.

Вот только Му Цзышань не ожидала, что слова Хэ Янься окажутся не просто пустой угрозой.

На сей раз Хэ Янься не стала кормить Му Цзышань лекарством так же мягко и терпеливо, как прежде, а просто сжала ей челюсти и влила отвар силой.

Му Цзышань почувствовала, как теплое, маслянистое зелье скользнуло по горлу, а во рту остался слабый странный и густой аромат.

Хэ Янься тихонько усмехнулась ей на ухо, но на этот раз прикоснуться не стала — закончив поить, она отступила на пару шагов. Му Цзышань не открывала глаз, но всё равно чувствовала на себе чей-то взгляд.

Это снадобье называется Бескрайние просторы чувств, — голос Хэ Янься прозвучал совсем близко. Она, судя по всему, решила наблюдать за ней, не отходя ни на шаг. Му Цзышань встревожилась, решив, что та наконец потеряла терпение и решила отправить ее к повелителю подземного мира с помощью яда. Но стоило по телу прокатиться волне жара, а голове — отяжелеть и затуманиться, как Му Цзышань ох дурное предчувствие.

Она вспомнила слова, сказанные той мгновение назад. Бескрайние просторы чувств.

Неужели это лекарство...

Смех Хэ Янься раздался снова, словно издеваясь над ней.

Не думай, будто на тебя нет управы. Захочу сломить тебя — и тысячью способов воспользуюсь.

Обдав шею горячим дыханием, Хэ Янься вновь склонилась ближе к Му Цзышань и прошептала ей на ухо дразнящим тоном:

Разве ты не ненавидишь, когда я прикасаюсь к тебе?

Теперь же, даже если ты будешь со слезами умолять меня прикоснуться к тебе, я нетрону тебя и пальцем...

В голосе слышалось злорадное насмешничанье, а едва закончив говорить, хозяйка этого голоса залилась дерзким смехом.

Игрушка (часть 1)

Она ощутила, как по всему телу разливается жар, и в мгновение ока сгорела изнутри. Слышно было, как Хэ Янься стоит неподалеку и тихо смеется. Для Му Цзышань этот смех звучал невыносимо, словно металл, скрежещущий по барабанным перепонкам. К тому же эта женщина никак не прекращала смеяться, и Му Цзышань решила больше не притворяться мертвой. Она открыла глаза и яростно уставилась на обидчицу. Хэ Янься же уже устроилась на небольшой кушетке в углу комнаты и, попивая вино, наблюдала за ней, точно за захватывающим представлением.

— Хочешь кричать — так кричи, на этот раз я не запечатывала твои точки молчания, — произнесла Хэ Янься, кривя уголки губ. Ее лицо выражало предельно злорадную улыбку, а сама она так непринужденно восседала на кушетке, лакомясь заготовленной едой и вином, будто все происходящее ее совершенно не касалось.

Чем сильнее злилась Му Цзышань, тем быстрее билось ее сердце, тем невыносимее становилось ощущение зудящего онемения во всем теле, а дыхание сбивалось и участвовалось.

На самом дне души еще теплился крошечный остаток рассудка: она твердила себе, что ни за что не должна потакать желаниям Хэ Янься и позволять той лицеизреть столь постыдное зрелище. Однако голова казалась готовой взорваться, кровь прилиwała к лицу волна за волной, в мыслях царил абсолютная пустота, и в этом туманном помрачении она совершенно забыла, о чем думала мгновение назад.

Му Цзышань до крови закусила губу, и вскоре на ней расплылось багровое пятно. Она надеялась, что эта боль поможет ей хоть немного прийти в себя, но сколько бы она ни кусала губы, никакой боли уже не чувствовала.

— Напрасно сопротивляешься. Дозы, что я тебе ввела, хватило бы на пару быков, к чему же ты так мучительно терпишь? — наблюдая за ее отчаянной борьбой, Хэ Янься вновь принялась насмешливо подкалывать ее, и в ее манерах проступило еще больше праздности.

Му Цзышань впиалась ногтями в собственное тело, но по-прежнему ничего не ощущала. Единственным чувством, оставшимся во всем теле, была невыносимая, жгучая истома и онемение. Последние крохи рассудка улетучивались капля за каплей, пальцы Му Цзышань

судорожно скомкали простыню, суставы побелели и оцепенели, но и это не приносило никакой пользы.

Сердце стучало так отчетливо, будто билось прямо возле самого уха, и казалось, можно ясно почувствовать движение крови по всему телу.

Кожа горела раскаленным жаром, силы покидали ее крошечными порциями, тело превратилось в бесформенную обмякшую лужицу, а на душе нарастало все более томительное, кошачьими царапинами терзающее беспокойство.

— Ты во всем любишь держаться из последних сил, вот и каменеешь вся, словно обрубок дерева — такая же скучная и пресная... — Голос Хэ Янься прозвучал, казалось, еще ближе, но донесся до слуха смазанно, и Му Цзышань даже не была уверена, не плод ли это ее собственных галлюцинаций.

— Человеческая жизнь так коротка, хочешь что-то сделать — так бери и делай, зачем же связывать себя по рукам и ногам всевозможными рамками? — Неизвестно почему, но слова этой женщины показались ей столь соблазнительными. Внутренний порыв поднялся неодолимой волной, и на какое-то мгновение Му Цзышань позабыла, за что вообще так отчаянно боролась. Почему бы ей не поступить так, как говорила эта женщина, не дать волю своим желаниям хоть раз?

Жизнь человека так коротка, промелькнет — и не заметишь, как растает.

К чему упорно цепляться за эти условности и мораль? Зачем мучить себя, заставляя делать то, чего совершенно не хочется?

Но в следующее мгновение иной голос в глубине души протрезвел и закричал на нее: не смей верить лживым речам этой Демонической секты, не потакай воле этой женщины-демона, иначе угодишь в ее ловушку и увязнешь в пучине безвозвратного падения.

— Разве ты сама не знаешь, чего тебе хочется? — Снова послышался голос неподалеку, перед глазами замаячили чьи-то очертания. Казалось, невидимый голос ведет ее по дороге, с которой нет возврата, а она сама — лишь пустая оболочка без собственной воли, что бредет вперед, повинаясь лишь инстинктам.

Чего же она хочет?

Что именно хочет сделать?

Му Цзышань никогда прежде не задавалась подобными вопросами, но в этот миг она отчетливо почувствовала, как потаенные желания ее сердца прорисовываются штрих за штрихом, становясь настолько явными, что на них было больно смотреть.

Что такое мораль и нравственность? Что значат эти жесткие рамки?

То, чего она жаждала, никто не мог ей дать, и даже она сама не смела об этом помышлять.

Первый стон сорвался с ее губ, сопровождаемый обрывками тяжелого, слабого и бесхитростного дыхания, но звучал он до боли знакомо. Осознав, что этот звук издает она сама, Му Цзышань испугалась не на шутку, однако совладать с собственным голосом уже не могла.

Хэ Янься продолжала стоять у кровати и улыбаться — то ли насмешливо, то ли с издевкой.

— Не думала, что твой голос в такие моменты звучит так сладко. И впрямь жаль, что раньше я всегда запечатывала твои точки молчания.

Му Цзышань охватили стыд и ярость, но ее тут же захлестнула волна импульса, ударившего прямо в голову. Не находившие выхода ощущения накапливались все сильнее, а внутреннее томление становилось все неистовее.

— Хочешь, чтобы я тебя обняла? Хочешь, чтобы я коснулась тебя? — Хэ Янься вновь с издевательской ухмылкой склонилась к самому ее уху и принялась легко выдыхать воздух. Собрав последние крохи рассудка, Му Цзышань стиснула зубы, наотрез отказываясь отвечать.

В глазах Хэ Янься покрасневшаяся, задыхающаяся Му Цзышань выглядела крайне забавно: явно изнывая от мук, она все равно упорно сжимала зубы и не желала сдаваться.

И впрямь — дорожит мнимым достоинством, а сама принимает страшные муки.

— Впрочем, мои слова неизменно правдивы. Даже если ты сейчас расплачешься и начнешь молить меня, я. не. прикоснусь. к. тебе. ни. разу...

Специально растягивая слова, прошептала та ей на ухо, а закончив, снова вернулась на небольшую кушетку в стороне комнаты — сидеть и наблюдать за представлением. В тот день Хэ Янься осушила два кувшина вина и полностью прикончила нехитрую закуску, прежде чем действие яда в теле Му Цзышань стало понемногу отступать.

При мысли о том, как именно она выглядела всего мгновение назад, Му Цзышань была готова наложить на себя руки от стыда. Но еще сильнее ее бесило то, что эта женщина-демон от начала и до конца созерцала ее позор, а досмотрев, все так же продолжала глядеть на нее с видом зрителя, насладившегося хорошим спектаклем. От одних воспоминаний об этом в груди поднимался яростный, не утихающий гнев.

А Хэ Янься, казалось, всерьез увлеклась этой бессмысленной игрой: несколько дней подряд она неизменно приходила, подсыпала яд Му Цзышань, а затем усаживалась рядышком, безмятежно созерцая ее покрасневшееся от прилива крови, изнывающее от мук лицо. Время от времени она подливала масла в огонь парой дразнящих фраз, заставляя ощущения в теле жертвы вспыхивать с новой силой — однако от начала и до конца даже пальцем ее не трогала, просто сидела в стороне, словно в театре.

И чем сильнее теряла рассудок Му Цзышань под воздействием яда, тем тяжелее ей приходилось после возвращения ясности ума, а ненависть и противоречивые чувства к Хэ Янься росли с каждым днем.

Хэ Янься сама не понимала, почему увлеклась этой пустой забавой: каждый день она приходила лишь за тем, чтобы подсыпать Му Цзышань очередную дозу зелья, а после усаживалась рядом и просто наблюдала.

Стоит признать, что сломить столь негибимого человека одними лишь побоями было невозможно. Если действительно хотелось втоптать ее гордость в грязь, следовало сначала по кусочку искрошить ее самоуважение.

Раз уж ты считаешь свой стержень крепким, мои методы окажутся куда тверже любого стержня.

Желаешь потешить свою гордыню — так сперва оглянись и посмотри, кто стоит перед тобой.

Однако, вглядываясь раз за разом, она вдруг поймала себя на мысли, что вид Му Цзышань в такие моменты заманчив. Когда она дразнила пленницу, в ней самой просыпались какие-то смутные порывы. Стоило взглянуть на налитые кровью глаза и пылающее жаром тело соперницы, как ее собственный жар начинал тихонько расходиться по венам.

Быть может, выпуская наружу потаенные желания Му Цзышань, она тем самым освобождала и свои собственные.

Хотелось целовать и прижимать ее к себе, хотелось сжать в объятиях так крепко, чтобы не отпускать никогда, раствориться друг в друге, слиться в безумном сплетении тел...

Дыхание Му Цзышань становилось все тяжелее, лицо покрывалось пятнами яркого румянца, а пальцы, судорожно вцепившиеся в простыню, побелели в суставах, но продолжали непрерывно дрожать.

Хэ Янься наклонилась ближе и вновь обдала ее шею томным дыханием. Горячий воздух опалил кожу Му Цзышань, заставив ту замучиться еще сильнее.

— Ты и впрямь... неужели даже испытывая такие муки, ты не склонишь голову? — сквозь туман в голове Му Цзышань смутно расслышала чей-то голос. Он звучал звонко и приятно, пробивая пелену полумрака в ее сознании.

Тело изнывало от нарастающего зноя, ставшего столь невыносимым, что ускользали даже последние крохи рассудка, и этот голос показался ей единственной соломинкой посреди бушующего океана, за которую так хотелось уцепиться.

Пальцы непроизвольно разжали скомканную простыню, а голос над ухом повторил:

— Если хочешь — попроси меня. — Интонации звучали с легкой насмешкой, но при этом обладали властью, перед которой невозможно было устоять.

Последняя искра воли оказалась разрушена, и она едва ли помнила, кто она вообще такая.

— По... помоги...

Собственный голос, сопровождаемый тихими стонами, звучал беспомощно и жалко, но в нем больше не было гнева. В тот момент ей хотелось лишь следовать за тайным подземным течением собственных желаний, а все остальное вылетело из головы.

— О? О чем же ты меня просишь? — конец фразы чуть приподнялся, не в силах скрыть торжество в голосе говорившей.

— Я... — начав, она не знала, как продолжить. О чем именно стоит попросить? Му Цзышань понятия не имела, что сказать.

В следующий же миг ее губы были наглухо запечатаны поцелуем, и кто-то тяжелым весом опустился сверху.

Теплый кончик языка Хэ Янься властно вторгся в ее рот, терзая и исследуя, легко покусывая и жадно втягивая влагу, словно пламя, выжигающее все на своем пути и оставляющее лишь пепел.

Эмоции вспыхнули с легкостью, хаос в голове, казалось, стал еще гуще, а безумное желание в

сердце разгорелось с новой силой. Му Цзышань бессознательно ответила на поцелуй, и ее пальцы впились в спину женщины, намертво цепляясь за нее.

Поцелуй Хэ Янься был страстным и исступленным. Ее руки тем временем медленно скользили ниже, ловко развязывая пояс одежды Му Цзышань, и одним легким движением сбросили с нее остатки одежд. Тело Хэ Янься тоже постепенно разогревалось — то ли поддавшись заразительному жару Му Цзышань, то ли утратив рассудок от накатившего безумия и возбуждения.

Обжигающие пальцы скользили по плечам и спине Му Цзышань, очерчивая линию ее талии. Поцелуи Хэ Янься тоже опускались ниже, опалая, подобно языкам пламени, шею Му Цзышань, ключицу со следом кровавой бегонии, и наконец замерли на ее набухших бугорках груди, выписывая круги и злонамеренно покусывая их. Стонущая внизу женщина задыхалась еще тяжелее, а стоны ее становились все протяжнее, отчего улыбка на губах Хэ Янься делалась лишь шире.

<http://bllate.org/book/20982/2130316>